

Войдя въ смежную съ отцовскою комнату, Елизавета сказала брату:
— Не пропускай время!

Она выслала дѣтей своей сестры въ дѣтскую. Виссаріонъ, поваръ и учитель вошли въ гостиную и выпили водки, но боялись войти къ Оловянникову, пока онъ не уснетъ крѣпко. Дочь два раза входила въ комнату отца и убѣдилась, что онъ спитъ крѣпко. Тогда убійцы вошли и задушили старика. Елизавета ожидала ихъ въ гостиной.

Вошелъ къ ней Виссаріонъ. Онъ весь дрожалъ.

— Мнѣ страшно!—были его первыя слова...

— Молчи, дуракъ!—крикнула на него сестра... Ну, что, кончили?

— Капуть!—отвѣтилъ тотъ тихо, и на глазахъ его навернулись слезы.

— Ну, туда ему и дорога,—отвѣчала Елизавета.

Затѣмъ вышли изъ спальни поваръ съ учителемъ. По ихъ словамъ, они оставались въ комнатѣ убитого «для поправленія его тѣла». Поваръ пошелъ прямо въ лакейскую, а учитель зашелъ къ Елизаветѣ. Та уже разговаривала съ позванной ею горичной Натальей. Учитель проговорилъ:

— Все кончено.

Елизавета на это ничего не отвѣтила и передъ горничной показала видъ, что не слышала или не поняла словъ учителя, и сдѣлала ему выразительный знакъ рукой.

Вотъ какъ, по записи курскаго уголовныхъ дѣлъ стряпчаго, злоумышленники убили Оловянникова: «раскаившіеся преступники показали, что они его, давя по груди за ротъ, носъ, шею, удушили, что душеніе оное продолжалось не болѣе четверти часа, можетъ быть, и менѣе, что при ономъ душеніи Оловянниковъ всѣмъ корпусомъ хотя и дѣлалъ напряженія, хотя старался изъ рукъ преступниковъ освободиться, хотя тихимъ и томнымъ образомъ хрипѣлъ, но они не переставали продолжать давленіе, пока совсѣмъ удушили»...

Наступило для Елизаветы Оловянниковой время разыграть комедію. Она, какъ будто бы ничего не зная, вошла въ спальню отца разбудить его. Быстро вышла она оттуда и опять вошла. Черезъ минутку она выбѣжала изъ спальни, притворилась испуганной, закричала:

— Да что же это такое? Папенька, кажись, скончался.

Съ этими словами она упала на полъ, плакала и «убивалась», потомъ легла въ постель, нюхала спиртъ, но больше уже въ отцовскую комнату не показывалась.

— А я,—показалъ на судѣ Виссаріанъ,—увидѣвъ Лизаветино притворство, также притворнымъ образомъ повалился на скамейку и рыдалъ горько.

Вѣсть о смерти барина сейчасъ же разнеслась по всему дому. Сестра Елизаветы и другіе окружили ея постель, взглянули и на